

БЕСЕДЫ О ПРЕКРАСНОМ!

Игорь Ильинский продолжает рубрику «Мастерская», которую мы начали рассказом о скульпторе Вячеславе Клыкове («С. Р.» за 4 сентября с. г.). Мы ждем от вас писем и предложений, с кем бы вы хотели встретиться в творческой мастерской. Хорошо, если вы напишете, что бы вы хотели узнать о профессиональных секретах ведущих мастеров.

Творчество Владимира Васильева с годами все более привлекает нас самостоятельностью хореографа-постановщика. Его балеты развивают удивительную по пластике традицию русского балета, у истоков которой стоял знаменитый М. Фокин. Сегодня мы рассказываем о новой работе В. Васильева.

Традиционной уже стала в «Беседах...» рубрика «Подвижники». Мы любим о них рассказывать, потому как к ним большой интерес проявляют читатели. И не случайно. Ведь зачи-

нателями многих дел в нашей духовной жизни являются именно подвижники — люди благородного духовного порыва, неистощимой энергии, исполненного терпения и настойчивости. К таким принадлежит и Татьяна Васильевна Вячеславовна — бывший агроном из ленинградского села Рождествено. Несомненно, в селе сделать все, что она содела, куда сложнее, чем в городе. Тем выше и дороже наша благодарная признательность и уважение к трудам ее. Надеемся, что и вы в своих письмах назовете имена таких людей с тем, чтобы мы могли рассказать о них на наших страницах.

Готовясь к новому году, мы разрабатываем программу «Бесед...» Нам хотелось бы знать ваше мнение о том, что напечатано за последние месяцы, о наших постоянных рубриках, особенно мнение критическое, что, с вашей точки зрения, надо улучшить, продумать...

Игорь Ильинский

отс. Миронов А.

МАСТЕРСКАЯ

ПОПУЛЯРНОСТЬ: ПРИОБРЕТЕНИЯ И УТРАТЫ

ТАКОВА суть нашей профессии, что на каждом шагу актера поддерживает коварная и жестокая любовь капризной и неверной популярности. Тут как и в жизни — она и мать, и мачеха таланта, а то и тетка, и сестра, дальняя родственница или падчерица. Кому как повезет.

Стать популярным хотя и трудно, но при определенных благоприятных обстоятельствах можно. Если есть в тебе задатки, то в остальном можно положиться на «администраторов» от искусства и на вкусы нетребовательной публики. В моей жизни такой сбаланс был. Зрители — публика особенно влюбчивая: «Ну, уж если я кого полюблю, то ни за что не отстану. Уж извольте быть моим любимым и не меняйтесь ни в чем». Зритель подчас привыкает к одному образу, стилю, манере игры и уже ничего другого не желает видеть в актере. Скажем, когда я работал на эстраде, то многие приходили «на меня» посмеяться. И вот однажды ко мне подошел такой любитель и почитатель и грозным тоном спросил: «По какому праву вы испытываете терпение публики? Мы пришли на комедия, а вы читаете занудную историю».

Было это давно, в Ленинграде, в Доме искусств. Я читал «Старосветских помещиков» — мое, пожалуй, самое любимое произведение Николая Васильевича Гоголя. История о двух старичках, которые так трепетно, так искренне и нежно любили друг друга, занимает особое место в творчестве писателя. Здесь Гоголь раскрывается не в обычном для себя «смехе сквозь слезы», а в любви, покаянии, великодушии... И мне казалось, что это интересно не только для меня, но и для зрителей — зал слушал затаив дыхание, публика была хорошей, внимательная. А тут — возмущение. Конечно, такое смутит любого, и я обратился со своими «сомнениями» к организаторам концерта. Они меня попросили, если я увижу этого человека, показать его: «Ой, так это же заведующий комиссионным магазином на Староневском проспекте...»

Но бывает, конечно, и по-другому. Помню, как одна школьница спросила, почему я не читаю Толстого, Чехова, Бернса, Шекспира: «Мы пришли их слушать». А меня тогда почитали что-нибудь «полегче», познатнее, и я прислушивался к их совету. Но прислушавшись школьницы и завмага суть вещи разные.

Судьба меня уберегла — во время спохватился, что одной популярности мало.

легче пронять, убедить в том, в чем убежден сам. Сменить в его сознании восприятие устоявшегося, пусть и любимого, образа на интерес к личности художника можно, конечно же, только силой таланта, мастерства, вдохновения. Зритель непременно откликнется на «жизнь человеческого духа» и даже может пожуричь, как та школьница, если отступил, согласился на компромисс.

Гораздо труднее «переворачивать» администраторов от искусства. Они-то как были наиболее твердыми поборниками устоявшегося, «продаваемого» публике стереотипа, так и остались: «У нас в концерте комик, и никаких скучных историй, никаких философий». Удивительно, но факт — эстрада во всех своих жанрах самое консервативное искусство, самое трудноповоротливое. Это можно видеть и сегодня. Особенно, что касается драматических актеров, которые нередко выступают в концертах.

Вот Андрей Миронов, актер, несомненно, талантливый, активно использующий в своем творчестве и великолепную пластику и пение, пользующийся успехом у зрителя. Но в последнее время от него и режиссеры, и администраторы беспрестанно требуют лишь куплетов и канканов в духе кабаре. И чем чаще видишь его в таких «откровениях», тем больше кажется, что и голос уже охрип, прокуранный какой-то, «проигранный». Он как-то внутренне постарел в своих приемах.

Но я видел и очень хорошо помню некоторые его роли, которые меня поразили. Например, Грушницкий в «Герое нашего времени», Чацкий в «Горе от ума», в «Назначении». Меня поразили его глаза, как-то незаметно его героя, растерянность. Он играл очень просто и глубоко. Я даже, помню, задал вопрос его родителям: «Почему он отходит от этого репертуара? Мне было обидно, что он крайне редко использует как раз эту, духовно значимую часть своего таланта».

Мне нравится, когда актер показывается в своем необычном качестве. Не столь, может быть, «популярном», но не столь приевшемуся, штампованном.

Молодежь идет на Пугачеву. Талантливый человек, не только поет, но и песни, целые концерты сочиняет. Но подражает ей не в творческом поиске, а во внешнем облике, манере исполнения. «Берут» — и зрители, и артисты, то же лежит на поверхности, а прислушаться к душе, к сердцу забывают.

И это можно наблюдать не только на эстраде. Иные наши оперные солисты, драматические актеры, удостоенные по-

рой самых высоких званий, не чураются дешевой популярности, не могут устоять перед соблазном потратить публичку, подчиниться ее воле. С этим я никак не могу согласиться.

ПОДЧАС ссылаются на то, что «народ жаждет», «жизнь требует», и артист должен подчиняться их воле и законам. Мне кажется, что это неверно. Настоящий художник непременно принесит в искусство нечто свое, святое, сокровенное отношение к жизни, к искусству...

От выбора актером своего репертуара тоже многое зависит. Одни считают, что детективы, «шерлоки холмсы», «знайки» позволяют сообщить нечто потрясающее, раскрыть несметные сокровища души...

Подлинный художник всегда поставлен в условия выбора. Поддаться «дыханию галерки» или же попытаться прорваться в неизведанное. Нет, пожалуй что не галерки, а тому дыханию пошлости, дешевки, которое иногда проникает в зрительный зал... Нередко еще можно увидеть, как кино- или телекамера блудливо скользит по обнаженному телу. Взгляд ее лишен элементарного целомудрия. Липкий, похотливый, намекающий. Но ведь это и наш, зрительский взгляд... И так же блудливо, как совершала камера свой набег, словно испугавшись чего-то непонятого, воспрещенного, уводит «глаза». Мол, я подмигнула, а вы уж сами разбирайтесь. Все это дозировано в разных фильмах в зависимости от «жанра». В «бытовых» — реалистично, с многоотъемом, будто бы следуя «правде жизни». В развлекательных как непрременное условие игры. Этакая виньетка. Но самое грустное, что в этом «нашем взгляде» действительно есть что-то выходящее за элементарные границы целомудрия и гуманности. Этот взгляд режиссера, кинооператора, наконец, сценариста (интересно все-таки почитать, как описывают «обнаженную натуру» в сценарном плане) не только пошлый, но и ханжеский.

Ну а телевизионные «Бенефисы»? Сколько их было. Какие разные и интересные актеры были в них заняты и в качестве главных действующих лиц, и в «сопровождении». Но в самом режиссерском замысле, модели этого по сути своей актерского праздника был заложен унифицированный, вульгарно-будоурный взгляд на личность художника. Будь то Гурченко или Дороница — все равно можно было думать, что они до глубины души истосковались лишь по канкану и куплетам, их буквально истязали нестальские пристылы воспоминаний по кафе-штантану и кабаре.

Ну, положим, одно дело ес-

ли бы действительно круг интересов этих актрис ограничивался лишь «развлекаловкой». Но мы знаем их серьезные драматические образы и в кино и в театре. А сколько лет потребовалось Людмиле Гурченко, чтобы вырваться из «образа», перестать быть милой, очаровательной чечеточницей-куплетисткой? Она об этом написала в «Аполдисментах» с горечью, болью о годах простоя. И что же, стоило мучиться, страдать ради того лишь, чтобы снова исполнять... чечетку?

Произошла подмена самого понятия бенефиса, который в старом театре играл значительную роль в жизни актера, был его творческим отчетом перед зрителем, служил духовному обогащению.

НУ ВОТ, кто-то подумает, уподобился своему Огурцову из «Карнавальная ночь», который воевал со всем новым. Нет, и сегодня я воюю с огурцовыми, которые ловко приспособились к современным условиям, мимикрировали и стали насаждать эротику и пошлость.

Меня, откровенно говоря, смущает во всем этом легкомысленная податливость, нетребовательность в творчестве во имя пресловутой популярности. По личному опыту знаю, как больно сказываются на судьбах талантливых людей эйфория успеха и головокружительное падение в небытие искусства; как мучаются и страдают эти надломленные и своим, и зрительским легкомыслием и нетребовательностью люди. Потому что актера все те же «администраторы» и определенного толка критики воспитывают в духе потребительского отношения к творчеству. Первые — предлагая завлекательный с их точки зрения «товар». Вторые — публично объявляя его высшим достижением человеческого духа. На этом воспитывается молодежь. Но, по совести говоря, я на эту тему говорить перестал. Ну что я буду проповедовать банальности...

Сейчас идет откровенный, принципиальный разговор о наших недостатках, проблемах в экономике, негативных процессах в социальной, нравственной атмосфере нашей жизни. Но в театре, о серьезных коллизиях которого мы все чаще говорим, такого разговора еще не случилось. Утверждают: принципиальность ранит художника, подрывает его общественный авторитет. А разве талант? Да и без шрамов еще никто в героях не бывал. А авторитет? По себе знаю: ничей авторитет не опирается на конкретные дела, конкретные победы.

Фото В. Соболева (ТАСС).